

Инна
Баринская

幸 幸 幸

Детектив
сильных
страстей

Шаги
по воде

Инна Юрьевна Бачинская
Шаги по воде
Серия «Детективный триумвират», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955305
Шаги по воде: Эксмо; М.: 2012
ISBN 978-5-699-59071-1

Аннотация

Ночью Ксения впала в забытие, и ей приснился сон. Вернее, кошмар... Женщина беззвучно кричала, запрокинув голову. Беззащитная шея, раскинутые в стороны руки, разлетевшиеся волосы... Она упала лицом вниз... И вдруг словно включился звук. Послышались шаги. Человек склонился над незнакомкой и протянул руку. Она повернула голову – и Ксения с ужасом узнала свою подругу Стеллу!.. Проснувшись она от собственного крика. Александр тряс ее за плечо... Этот известный в городе экстрасенс когда-то встречался со Стеллой, но они расстались. Ксения не собиралась заводить с ним роман, все случилось само собой... Быстро собравшись, они поехали к Стелле. Она лежала в прихожей лицом вниз в своем любимом черном шелковом халате с белым иероглифом на спине, обозначающим «счастье»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Инна Бачинская

Шаги по воде

*Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит,
Чернеет гибель снизу.
И даже угадать нельзя —
Куда он движется, скользя
По лунному карнизу.*

Георгий Иванов

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Я

Стерва, сука, подстилка... Что еще? Дрянь! Кто больше? Дешевки с ненавистью смотрят на меня, в их взглядах, как в зеркале, отражаются их чувства. Волчата со сверкающими глазами, замолкающие, стоит мне войти. Судачили за спиной, обсосали, оплевали, окунули в дерьмо. Гарем, дружно ненавидящий старшую жену. Они сидят за своими столами, уткнувшись носами в экраны компьютеров, длинные, тощие бледные поганки, чья испорченность вопиет из каждой складки одежды. Любительницы орального секса и пустых гламурных журналов, где картинок больше, чем текста, а текст – подписи под фотографиями. Звенящая пустота их голов – результат социальной лоботомии – вмещает две жизненно важные вещи: деньги и секс, и как их производные – еще дюжину: невежество, всеядность, глупость, жадность, высокомерие, лень... И так далее.

Прошу любить и жаловать – это штат риелторской фирмы «Global Village». Что касается меня, то... Ваша покорная слуга. «Ваш покорный слуга кот» одного японца был моей настольной книгой много лет. «Ваша покорная слуга» – дань любимому роману. Незаслуженно заброшенное словосочетание, в котором нет ничего уничижительного, а только вежливая готовность прийти на помощь.

Ваша покорная слуга – Ксения Холодова, заместитель директора фирмы, того самого любителя бледных поганок и скорого секса на диване в собственном кабинете во время обеденного перерыва. Вечером – ни-ни! Дома ждет верная супруга и трое крошек. Двое ее личных и одна – общее достояние. Крошки достались моему начальнику вместе с женой, а жена, бывшая вдова основателя бизнеса, вместе с фирмой. Лариса – славная тетка, хоть и старше последнего супруга на двенадцать лет, что дает ему моральное право на диванные утехы в обеденный перерыв, а бледным поганкам – положение любимых наложниц босса. В силу шарахания от надоевшего и привычного мой хозяин Роман Руденок тянется к бледным, тощим, безмозглым девицам, которых без конца принимает на работу, а потом увольняет, называя этот процесс «вливанием свежей крови». В результате штат делится на работающих и трахающихся, причем если первые держатся довольно долго, то последние мелькают, как падающие звезды – раз, и нет!

Я – из тех, кто держится, а также имеет власть и силу. Та самая высокомерная сучка, которая вызывает протест поганок на подсознательном уровне. Каждая считает, что она не

хуже, а лучше, когда дело доходит до койки – а что в жизни более ценно, чем секс? Тем более что я не сплю с хозяином. Или он не спит со мной. Не спать с хозяином просто неприлично, если он не педик, а нормальный мужик.

Поганки величают меня не Ксюша, Ксанка, Ксенечка или еще как-нибудь, а Ксения Валентиновна Холодова, и непременно на «вы». От такого имени веет арктическим льдом и скрытой угрозой – попробуй, тронь! И вечной девственностью. Амазонка Ксения. Стальной взгляд и копьё наперевес. За глаза они называют меня «сучкой», что из их уст звучит комплиментом. Я тоже не стесняюсь в определениях, мысленно, разумеется.

Я – работоголик, из тех, кто приходит на службу первым и уходит последним. Отношения мои с бледными поганками имеют классовый характер – это отношения трудяги и тунеядцев. Они боятся меня. Переспав с хозяином, они думают, что схватили бога за ноги, как говаривала моя бабушка, и полагают наипервейшей своей обязанностью готовность номер один к диванным услугам. А потом бывают неприятно удивлены, узнав, что заработок зависит не от проворства на диване – это, так сказать, лишь право на работу, а от количества сделок, заключенных с их подачи. И жаловаться бесполезно, потому что я – «священная корова», которую связывают особые отношения с хозяином и его женой Ларисой. Лариса – мудрая женщина, смотрящая сквозь пальцы на прыжки супруга. Это до такой степени мало ее трогает, что никогда не становится предметом разговора во время наших традиционных ланчей примерно раз в квартал. За что я люблю ее, и она это знает.

«Мужчина – это породистый пес, – однажды заметила Лариса по поводу семейного скандала с мордобоем в известном семействе, который взапуски обсуждали городские сплетники. – Его нужно хорошо кормить и периодически спускать с поводка». Она сказала это для меня, давно уже, в самом начале нашего знакомства, почувствовав мою неловкость от двусмысленности положения человека, которому известны адюльтерные эскапады ее супруга, являющегося в то же время его, этого человека, работодателем. Со снисходительностью коронованной особы она потрепала меня по руке и улыбнулась. Лариса сумела провести четкую разделительную линию между собой и бледными поганками. К тому же ее уверенность в себе подкреплялась юридически не только положением супруги, но также и владелицы фирмы.

Лариса была полной невысокой женщиной, знающей толк в одежде и ювелирных изделиях. Дом она вела блестяще. Любой дежурный семейный обед подавался на белоснежной скатерти и непременно с участием парадного серебра, а также салфеток в тон скатерти. Беспутный Роман по-своему любил ее, но не как жену, а как родственницу, какую-нибудь богатую тетку, спускающую ему шалости и сующую деньги на такси и девочку. Он называл ее «мамочка».

Брокера, как волка, кормят ноги. И многое другое, вроде предприимчивости, неутомимости, хорошо подвешенного языка – от этого зависит умение впарить товар при высокой рыночной конкуренции. И потому на первом месте у нас в фирме неприметная пенсионерка баба Броня, способная уговорить и черта из горячей преисподней купить теплый тулуп. Баба Броня – физиономист, мигом усекающий финансовые возможности клиента, а также его глубокие подводные желания и пристрастия. Клиенту, с придыханием произносящему волшебные слова «евроремонт» и «стеклопакет», как правило, чихать на вид из окна. Волшебное видение изнанки ободранных хрущоб или гаражей-самостроя его нисколько не напрягает. «Если душе человека нужен презренный пятак, – сказал однажды так или примерно так один мечтатель, – нетрудно дать ему этот пятак». Другое дело клиент, настаивающий на картинке из окна в ущерб подвесным потолкам, – это серьезный персонаж, понимающий толк в антураже и заслуживающий уважения опытного брокера. Его удовлетворить намного труднее, так как «евроремонт» понятие вполне расхожее, а вид из окна – штучная работа.

Справедливости ради необходимо заметить, что тех, кто готов выложить сверх средней суммы двадцать-тридцать тысяч зеленых за адекватную окружающую среду за бортом, становится все больше. Особенно это касается иностранцев – американцев, немцев и шведов, которые понемногу выют гнезда в нашем городе. Эти знают цену красоте. Период первоначальных накоплений в их странах закончился два-три века назад.

«Ксенья», – называет меня Сэм Вайт, купивший три квартиры на первом этаже в центре города под «ковбойский ресторан» с антуражем американского Дикого Запада – всякими штучками по стенам вроде пастушеских лассо, индейских томагавков, расшитых бисером рубах из кожи оленя, мокасин и рогов бизонов. Я абсолютно уверена, что вся эта сверкающая позолотой и лаком «бижутерия» изготовлена из пластика на китайской фабрике сувениров. Тут же будут подаваться громадные американские стейки, жареная картошка, салаты из «tossed salad», что переводится как «рванный салат». И двадцать-тридцать сортов пива в придачу. И непременно «draft beer» – бочковое – для тех, кто понимает. «У вас совсем не подают салат, – жалуется Сэм. – А на фермерском рынке только один-два сорта. А у нас в любом супермаркете не меньше десяти».

Сэму сорок пять лет, и уже наметилась круглая плешь на макушке, но он простодушен, естественно, деликатен и умеет считать деньги – качества, казалось бы, взаимоисключающие. В нашем городе у него проблемы не только с салатом, но Сэм о них молчит. Сейчас он занят переоборудованием купленных квартир под ресторан. С ним работает его приятель-архитектор с авантюрной жилкой, недавно приехавший из Америки. К моему удивлению, Сэм почти не жалуется на шаромыжников из строительной компании, делающей ремонт. «Наши такие же, – заметил он как-то вскользь. – Разрушив стены, они просто бросают клиента, зная, что тот никуда не денется. Правда, у нас можно подать в суд, а у вас – себе дороже!» Один раз, всего лишь один раз, он упомянул чиновников, чьи подписи необходимы для открытия бизнеса, назвав их «crooks» – «жуликами». По словам Сэма, любимое американское приветствие: «Увидимся в суде». Так он шутит.

Я – деловая женщина, сделавшая себя сама. Деловая женщина, а не «бизнесвумен» – слово, рождающее у меня бурное неприятие. Так и вижу мысленным взором крупную пегую корову по имени Бизнесвумен, с выражением тупой непоколебимости на морде шагающую размеренно и неторопливо, и здоровенное вымя маятником мотается из стороны в сторону. Для меня любое слово имеет скрытый смысл, часто ничего общего не имеющий с общепринятым значением. Слово «стол», например, рождает даже звук – легкий шелест, а слово «комната» – картинку: кубик, медленно плывущий в пространстве. «Дерево» – каменный столб. «Человек» – клубок черных ниток. И так далее, до бесконечности. Так играет мой интеллект и «взбрыкивает» воображение. Иногда это забавно, иногда мешает жить.

У меня диплом Международной академии менеджмента и права, скороспелого «joint venture» – совместного предприятия начала девяностых, экзотического союза родного отечества и Мальты. Голубоватый лист толстого ватмана размером сорок на тридцать сантиметров в строгой рамке красного дерева украшает стену моего кабинета. Нечеловечески красивым каллиграфическим почерком с завитушками, черной тушью на трех языках – латыни, английском и родном – диплом удостоверяет, что я, Ксения В. Холодова, являюсь магистром в области социальных наук, международного права и информатики. Вверху красочный герб – мальтийский лев с добродушной мордой, внизу – зубчатая золотая печать размером с полтинник на витом красно-белом шнуре. Декоративно до неприличия, но вполне гламурно. В духе уважения или даже преклонения перед традициями, что особенно заметно в дате основания, присутствующей на вывеске любой зеленой лавки, винного магазинчика или ресторана на Мальте, да и во многих других странах. Дата – это стабильность, основательность и серьезность намерений. Знак качества и признание.

Юридическая фирма, где я два лета подряд проходила практику, называлась «Бьяготти, Скимпа и сын» и была основана в 1882 году первым господином Бьяготти. Последний господин Бьяготти, продавший дело своему помощнику господину Скимпе, пребывал на заслуженном отдыхе. Жил в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Заходил иногда проведать коллег. Это был подвижный, несмотря на свои за восемьдесят, человек, небольшой, изящный, в сшитых на заказ костюмах и башмаках. Этим он отличался от нового владельца Умберто Скимпы, который одевался в первом попавшемся магазине готового платья и в какой-то степени так и остался подростком из бедной многодетной семьи, получившим работу курьера в фирме сорок лет тому назад.

Как-то во время обеда в ресторане господин Бьяготти словно случайно положил свою смуглую, все еще красивую руку на мою. Тщательно отделанные ногти его были покрыты лаком. В темно-карих глазах прыгали черти, и смотрел он прямо мне в глаза, чуть насмешливо и восхищенно. Господин Бьяготти остался для меня образцом того, что называется настоящим мужчиной, даже в свои годы, – умным, сильным, снисходительным. Он был из изрядно поредевшей породы купцов, воинов и рыцарей в одной особе, солью земли, тех, кто всегда платит по счету и не скупится. Когда он смотрел на меня, я вспоминала, что я не только деловая женщина. У него были молодые подружки, по одной на каждый день недели, кроме воскресенья, которое считалось днем Бога, – какие-нибудь продавщицы из парфюмерного или ювелирного отделов шикарного магазина со сверкающими витринами. В пятницу господин Бьяготти посещал игорные заведения Монако, проводя ночь за карточным столом.

Тогда, в ресторане, я убрала руку – тихонько вытащила ее из-под его горячих пальцев, покраснев при этом, как последняя девственница. Он усмехнулся понимающе и сказал, что теперь он вряд ли представляет опасность для молодых дам. Разве что за руку подержится. Но тем не менее спасибо...

Я потом долго думала, пытаюсь понять, почему убрала руку – то ли не хотела, чтобы меня приняли за одну из его подружек, то ли смутилась, решив, что за этим последует попытка сократить дистанцию, то ли мне просто показался неприличным жест господина Бьяготти. Если честно, жест этот не был мне неприятен. Что же тогда? Не знаю. Наверное, инстинкт вечной девственницы, трусливо убегающей от мужчин...

Господин Бьяготти научил меня самой жесткой дисциплине при кажущейся расслабленности. Безупречный костюм, безупречная косметика, приветливая улыбка и всегда дистанция – будь то начальник или клиент. Дистанция или знание своего места – искусство, требующее постоянной работы мысли и чувства собственного достоинства. Одним словом, уважайте себя, и окружающие последуют вашему примеру.

Чтобы окончить академию, я продала квартиру в центре города. Нашу с бабушкой квартиру. Упаковывая в ящики небогатый скарб, я с трудом удерживала слезы. Семь бесконечных лет я провела в ссылке у черта на куличках, в частном секторе Посадовка, известном больше под красноречивым названием «Паскудовка». Все это уже в прошлом. Сейчас у меня трехкомнатная квартира в элитном районе города с видом на парк. В десять утра по воскресеньям в парке включают фонтаны, и я с чувством радости слышу, как начинают взмывать в небо и шумно падать вниз тугие струи воды. Я – деловая женщина, сделавшая себя сама. Впрочем, это я, кажется, уже говорила...

Глава 2

Пикник у озера

Костер горел ярко и ровно. Огненные жгуты свивались в оранжевые ленты, заворачивались в тугие завитки, плясали, как стайка саламандр, и вдруг оглушительно стреляли снопами искр в черное, полное звезд августовское небо. В августе Земля проходит черед звездные кладбища, притягивая погасшие звезды. Они влетают в атмосферу планеты, оставляя за собой короткий огненный росчерк – такой короткий, что никак не успеть загадать желание.

– Звезда упала, – сказала темноволосая молодая женщина, лежавшая на одеяле у костра. – Уже третья.

– Успела что-нибудь загадать? – спросила другая, сидевшая, подтянув колени к груди, упираясь в них подбородком и задумчиво глядя на огонь. Пламя плясало в ее серых выпуклых глазах.

– Успела, – помедлив, ответила темноволосая. – Представляете, тысячи лет назад люди видели эти же звезды. Миллионы светил. И никому не известно, что там. – Она лежала на спине, заложив руки за голову, всматриваясь в ночное небо.

Вокруг стоял лес, и глубокая ночь, уже по-осеннему темная, казалась еще темнее от пламени костра. Она была наполнена живыми звуками лесной жизни – треском веток под чьими-то осторожными шагами, шелестом листьев под мимолетным порывом ветра, возней и вскриками птицы во сне, плеском рыб в Черном озере. Женщины вздрагивали от этих звуков и зябко поводили плечами. Ночь настраивала на философские разговоры о смысле жизни и предназначении. Человека, остающегося один на один с природой, легко испугать. Природа таит в себе скрытую угрозу. Она напоминает мягкого и ласкового зверя, который может выпустить когти, и тогда – берегись!

– Красота, – отозвался один из мужчин, муж темноволосой. Звали его Олег Дударев. – Вот где покой. А мы грызем друг другу глотки... Все нам мало, все чужого хочется! А ведь это грех...

Никто не отозвался. Олег помолчал немного и позвал:

– Кешка, спишь?

Тот, кого он назвал Кешкой, лежал по другую сторону костра, завернувшись в плед, – видимо, дремал. Олег Дударев и Кеша Тюнкин дружили с первого класса школы. Такая дружба делает людей ближе, чем кровное родство. Они вместе постигали мир, пробуя его на вкус и расшибая лбы, влюблялись до смерти, с горящими щеками листали порнографический журнал, купленный у Семы-Акулы в подворотне, списывали контрольные, вырывали страницы с двойками из дневников и тетрадей, курили и сигареты, и травку, подсматривали за девочками через замазанные масляной краской окна в туалете. Дрались, плевали сквозь зубы, рассуждали об отношениях полов, употребляя нарочито грубые и грязные слова, отчаянно ввали о какой-то мифической бабе, соседке, которая якобы однажды зазвала к себе... и так далее.

Оба окончили политехнический институт. Сегодня Олег Дударев – управляющий банка «Славянка», Иннокентий Тюнкин – генеральный директор. Они по-прежнему неразлучны. И женились почти в одно время.

– Кешка, спишь? – уже громче повторил Олег. – Жизнь проспишь! Посмотри, какая красота! Последние теплые ночи перед долгой зимой. Звезды падают. Смотри! – закричал он, внезапно вскакивая. – Летит! Ух, большая!

– Загадывай желание! – закричала его жена. Ее звали Леной. – Быстрее!

– Чтобы... – он запнулся, лихорадочно соображая. – ...все было хорошо! Упала!

– «Чтобы все было хорошо», – передразнила Лена, снова укладываясь на одеяло. – Тоже мне желание... Быстрее соображать надо! Ритка, а ты успела?

Рита, жена Иннокентия, светловолосая, крупная, задумчивая женщина, пожала плечами и промолчала.

– Конечно, ты в такие глупости не веришь, – сказала Лена, и в тоне ее звучало что-то еще, помимо обычного сарказма. – Ты выше этого.

Рита снова пожала плечами. Она не отличалась разговорчивостью.

Ночь была теплой, тягуче-густой, настоящей на запахах трав, еще не остывших после сухого жаркого дня. От озера тянуло сыростью и чуть тиной.

Четверо у озера, как всякая компания, представляли собой модель общества в миниатюре. Иннокентий был интеллектуалом и мозговым центром, его жена Рита – воплощением стабильности и постоянства, с устойчивыми понятиями о морали, добре и зле. Олег был с детства бронебойным подростком, для которого не существовало ничего невозможного. Он являлся движущей силой предприятия, умел рисковать и с ходу принимать решения. Игрок по натуре, он полагался на удачу больше, чем на расчет. Лена, его вторая жена, по слухам – капризная пустышка и набитая дура. Последнее спорно, ибо, несмотря на легкомыслие, смех без причины, манеры капризного ребенка и всякие смешные словечки, Лена всегда знала, чего хочет. Ее появление внесло напряжение в отношения друзей.

Олег оставил жену и двоих детей, и, разумеется, Рита приняла сторону его брошенной жены Зои, с которой дружила. Раньше они дружили все вместе. Потом Олег влюбился и в один прекрасный момент представил Лену друзьям как невесту. Рита не сказала ни слова, но выражение ее лица говорило красноречивее любых слов. Накануне Зоя, рыдая, пожаловалась ей, что Олег хочет с ней развестись. Рита, как могла, успокаивала подругу, с содроганием думая, что теперь и Кешка, глядя на Олега, может задурить. Ему под сорок – опасный мужской возраст, и хищниц вокруг пруд пруди, так и рыщут.

Развод состоялся. Кеша был как бы над событиями. Все попытки Риты добиться от него осуждения друга ни к чему не привели. Он сказал, что это не его дело. Легкость, с которой он «кинул» Зойку, не желая воздействовать на Олега, возмутила Риту и добавила очки к счету к молодой нахалке и хищнице. Какое-то время Рита разрывалась между Зойкой, которую жалела, и необходимостью поддерживать отношения с Олегом, как с деловым партнером мужа. Потом смирилась – а куда денешься? Отступники стали бывать у них в доме. Лена откровенно лебезила и вешалась Рите на шею. Та, как могла, отталкивала ее, но новая жена друга оказалась настырной. Ее ничто не обижало – ни каменное молчание, ни односложные ответы Риты, ни ее откровенное нежелание хотя бы соблюдать законы гостеприимства.

Такой был расклад в компании у Черного озера. Они впервые выехали на природу в новом составе на целых три дня. Даже место оказалось то же самое. Только вместо Зойки была Лена.

– А пошли в лес! – вдруг сказала она. – А то лежим, как старые кочерыжки! – Она перевернулась на живот. – Успеем налегаться!

«Старые кочерыжки» Рита приняла на свой счет и помрачнела.

– Ленка, уймись, – велел Олег, дергая жену за длинную блестящую прядь волос. – Тебе дня мало?

– Пошли! – Лена вскочила на ноги, потянулась. Короткая маечка полезла вверх, обнажив плоский загорелый живот. Она была хороша – высокая, тонкая, с длинными темными волосами и глазами того редкого оттенка, который напоминает благородный старинный бархат цвета лесного мха с легкой рыжиной. – За мной! – закричала она и побежала через узкую поляну к лесу. Светлая маечка мелькнула и пропала в темноте.

– Ленка, немедленно вернись! – Олег бросился вслед за женой.

– Пошли прогуляемся? – Кеша, отбросив плед, сел, вопросительно глядя на жену.

- Нет, – произнесла Рита, и в ее коротком «нет» звучала непреклонность.
- Пошли! – Кеша потянул жену за руку. – Последняя теплая ночь!
- Отстань! – Рита выдернула руку. – Совсем с ума сошел.
- Ритка, ну чего ты такая злая? – Иннокентий, готовый бежать в лес, медлил, глядя на жену.

Рита не ответила. Иннокентий, постояв еще пару секунд, нарочито медленно, демонстрируя досаду и обиду, пошел в ту сторону, где исчезли друзья.

Звонкое «ау» донеслось из леса, следом раздался радостный визг и хохот Лены.

– Ленка, накажу! – кричал Олег. – Выходи!

– Ау! Ау! Ау! – отвечала она. – Я здесь!

Лес, казалось, ожил, подхватывая их голоса, вторя им, дробя, возвращая искаженными и чужими. Вдруг раздалось совсем рядом протяжное, тоскливое, леденящее кровь «угу-у-у»: ухнул пугач – ночная птица вроде филина. И еще раз «угу-у-у» – глухой, как из преисподней рвущийся звук. После паузы новое «угу-у-у», уже без передышки, снова и снова. Потревоженная птица жаловалась на нарушителей тишины и призывала на помощь Хозяина. Казалось, померкло радостное сияние ночи. Враждебно зашумели верхушки осин. Пламя костра вздрогнуло, оглушительно затрещала горящая ветка и рассыпалась снопом искр.

Рита вздрогнула и оглянулась. Голосов больше не было слышно, только кричал, не желая успокаиваться, пугач. Она не знала, сколько прошло времени – минут десять или больше. Женщина поднялась, сделала несколько неуверенных шагов в сторону леса, обеспокоенно всматриваясь в густой кустарник. «Кеша!» – позвала негромко. Голос, подхваченный эхом, налетел на стену леса и увяз там. Треск веток под чьими-то шагами заставил ее отступить назад к костру. Рита стояла, напряженно всматриваясь в темноту, – ей стало страшно. В следующую секунду она с облегчением увидела мужа.

Почти сразу же появились Олег и Лена. Олег хмурился, Лена сияла.

– Напрасно ты не пошла, – обратилась она к Рите. – Там страшно – у-у-у! – Она приставила пальцы рожками к голове. – Полно вурдалаков и привидений. Темень, хоть глаз выколи. И эта птица воет, как на покойника! – Она помолчала, и вдруг новая мысль пришла в бедовую голову: – А пошли купаться! Вода теплая, черная... и туман!

– И русалки, – буркнула Рита. – Очень заманчиво. Я иду спать.

– А я не хочу спать! – заявила Лена. Была она странно возбуждена. – Олег, Кеша! Ребята, пошли купаться!

Кеша молчал. Рита сложила плед и двинулась к палатке, не оглянувшись на мужа.

– Хватит, – сказал Олег. – Давайте спать. Первый час ночи, скоро рассвет.

И наступила тишина...

В шесть утра раздалась первая оглушительная трель птицы. Затем другая, третья. Лес оживал, наполняясь светом и голосами. От ночных страхов не осталось и следа. Кусты ежевики уже не выглядели враждебно, пугач давно улетел и спрятался в дупле. Зеркальная поверхность озера дымилась розовым туманом, небо на востоке пылало малиной. Капли росы алмазами вспыхивали в темно-зеленой траве. Утро было таким чистым и прекрасным, таким невинным, что невольно слеза наворачивалась.

Иннокентий делал на берегу зарядку. Рита спала еще. Первый луч солнца коснулся поверхности воды, разорвав пелену тумана. Закончив упражнения, Кеша постоял на берегу, глубоко вдыхая холодный утренний воздух. Потом бросился, поднимая фонтан брызг, в темную воду и поплыл кролем на середину озера. Гулкие всплески, усиленные эхом, добавились к щебету птиц.

Из палатки выбрался Олег. Оглядываясь, обошел поляну. Подошел к озеру. Некоторое время наблюдал за пловцом. Вернулся к палатке. Закричал: «Лена!», приставив ладони рупором ко рту. Подошел к палатке друзей. Заглянул, позвал:

– Ритка! Ты спишь? Лена не у вас?

Сонная Рита вылезла наружу, щурясь на утреннее солнце. Иннокентий, свежий и замерзший, выскочил из воды и стал яростно растираться махровым полотенцем, которое предусмотрительно положил на траву.

– Ты Лену не видел? – закричала мужу Рита.

Иннокентий замер, глядя на них.

– Что случилось? – спросил он не сразу.

– Лены нет, – ответила Рита. – Олег везде посмотрел.

– Как нет? – не поверил Иннокентий. – Куда же она делась?

– Олежек, успокойся, – сказала Рита. – Ты же знаешь свою жену... очередной прикол. Вот и вчера Лена всех нас звала... – она осеклась.

Олег дико посмотрел на нее. Подошел Иннокентий с влажными волосами, с кожей, красной от жесткого полотенца.

– Что за глупости... – начал он. – Сейчас найдем! А ты что, совсем ничего не слышал? – обратился он к другу. Олег помотал головой – нет. – Ночью она не могла уйти, – стал рассуждать Иннокентий. – Значит, на рассвете, когда уже рассвело. Поэтому... – он поднял палец, призывая к вниманию, – ... должен остаться след на траве. Вон как дорожки видны!

Он был прав – на траве, сизой от росы, виднелась отчетливая дорожка чьих-то следов.

– Это мои... – объяснил Олег. – Я бегал в лес, думал, она там... прячется. Лена! – закричал он вдруг. – Ленка, хватит! Выходи! Кончай дурить!

– Она уже дома, – вдруг сказала Рита. – Помнишь, как она исчезла в прошлом году? Когда вы поссорились? Ты чуть с ума не сошел, а она просидела три дня на даче. Ты же ее знаешь! – Рита пыталась успокоить Олега.

– Но мы не ссорились, – возразил он. – Я еще долго не спал... То холодно, то шум какой-то мешал...

– Позвони домой, – приказала Рита.

– Ерунда, – влез Иннокентий. – Как бы она добралась до города?

– Попуткой! Отсюда до шоссе рукой подать.

– Что ты несешь! – В голосе Иннокентия звучала непривычная резкость. – Не могла она уйти! Она здесь где-то! Сейчас я оденусь, – он обратился к Олегу: – Пойдем поищем.

Прошел час. Два часа. Три. Ситуация складывалась нелепая и страшноватая. Лена так и не появилась. Мужчины, прочесав лес до самого шоссе, вернулись ни с чем. Олег звонил домой каждые десять-пятнадцать минут. Ему никто так и не ответил. Рита растерянно бродила вокруг палаток.

Они молча стояли на берегу озера. Поверхность его бороздила легкая серебристая рябь. Негромко шелестели пики аира и болотной осоки. Говорить было не о чем.

– Идиотизм, – пробормотал Иннокентий. – Ну не испарилась же она, в конце концов!

Озеро лежало у их ног, безмятежное, спокойное, равнодушное. Не сговариваясь, они пошли в разные стороны, всматриваясь в прибрежные кусты. Ничего. Время уже перевалило за полдень.

Молчаливые, они принялись упаковывать вещи и сворачивать палатки. Олег запикивал в рюкзак вещи Лены. Наткнулся на ее сумочку, раскрыл. Кошелек, косметика, записная книжка, какие-то мелочи – все осталось. Лена исчезла без вещей...

Глава 3

Будни «Global Village»

Из комнаты Стаса Кучинского доносился знакомый, на редкость неприятного тембра бас его приятеля Кирилла Колодко, придурка и бабника. При этом красавчика в духе Ди Каприо, но улучшенной модификации. Высокий, накачанный, с улыбкой и взглядом, перед которым не способна устоять ни одна женщина от шестнадцати до шестидесяти, Кира был любимым дитятей природы, щедро оснащенным для определенных действий, в силу которых род человеческий множится и продолжается. Но, как уже сказано, придурок он был редкий. Однако далеко не дурак. Основной недостаток Киры – недержание речи. Он говорил, что думал, не останавливаясь ни на минуту. Резал слух своим пронзительным голосом, стремясь перекричать собеседника, и при этом брызгал слюной. Причем молот всякую чушь, доводя окружающих до нервного срыва. Входил в раж и позволял себе грубые выпады, за что бывал бит неоднократно.

Кира работал реализатором хозяйственных товаров в мелкой фирме – всяких консервных ножей, открывалок пивных бутылок, штопоров, мясорубок, кофемолок и электрочайников, зарабатывал копейки, но вполне этим довольствовался. Покупателям он грубил, но тем не менее товар продавал не хуже, а может, даже лучше других. Видимо, опытные покупатели считали – раз хамит, не уговаривает купить, не выкручивает руки – значит, товар так хорош, что не нуждается в рекламе. Жил Кира один в однокомнатной квартире, подаренной отцом. Тот отселил сына, так как Кира терпеть не мог его подругу, с которой сам же отца и познакомил. Когда девушка приходила к ним в гости, то целый вечер, а то и далеко за полночь Кира выяснял с ней отношения, не обращая на отца ни малейшего внимания и откровенно хамя, когда тот пытался вмешаться. Здесь можно сделать вывод о том, что, если бы Кира был нормальным человеком, не видать бы ему квартиры, как собственных ушей. (Это о воздаянии по заслугам!) Квартира его скоро превратилась в притон или секс-стойбище, где постоянно менялись девочки, которых неотесанный Кира называл телками.

Стас, в отличие от приятеля, обитал с родителями, которые всячески портили ему жизнь.

Кира, как уже говорилось, говорил не переставая. Если был один – то сам с собой. Идя по улице, бубнил себе под нос. Заядлый спорщик, всякий предмет спора он доводил, как правило, до абсурда. Он считал, что его окружают одни козлы, дураки и идиоты. Стаса он называл козлом или дураком в зависимости от обстоятельств; отца – просто козлом; покупатели же, прохожие, начальство, коллеги по работе – все были козлами и идиотами. В подъезде, где жил Кира, на стене напротив его квартиры красовалась надпись большими буквами: «Кирка козел!» Стас иногда думал, что это зачем-то написал сам Кира. Колодко же считал, что это сделал или отец, или одна телка, которая не давала ему проходу в прошлом году.

Он собирал марки и переписывался со старым фанатом-филателистом из Англии, для чего довольно прилично освоил английский. Фанат, привыкший иметь дело с приличными людьми, неосторожно выслал Кире редкую марку с королевой Викторией в обмен на обещанные первые советские марки, которые представляли собой старые, царские еще, с надпечаткой «Р.С.Ф.С.Р.», и теперь терпеливо ожидал обещанного, время от времени деликатно напоминая Кире о долге.

– Ничего, – хладнокровно говорил тот, – подождет. Не надо быть таким дураком!

– Ты же обещал! – упрекал Киру зануда Стас.

– Ну и что, – отвечал беспринципный Кира. – Мало ли чего я обещаю!

– Здравсьте, Ксения Валентиновна, – при виде начальницы приятеля Кира приподнял с дивана зад и тут же плюхнулся обратно. – Скажите этому козлу, – непринужденно бухнул он, – что у него крыша слетит. В инете можно снять классных телок с фотками, а он кочевржится. Стас имеет право на законный перерыв. Я тут адрес нарыл. А этот дурак типа вас боится. Я говорю, Ксения Валентиновна классная баба, чего ты, козел! А он говорит, ты еще ее не знаешь. И хата есть, самое главное!

Стас сидел, уставившись на экран, багровый от смущения, с раскаленными малиновыми ушами, и время от времени издавал хрюкающий звук.

– Подожди, Кира, – остановила я этот поток сознания, – Стас должен сделать для меня работу.

– Я все сделал, Ксения Валентиновна, – выдавил из себя Кучинский. – Даже добавил кое-что. Хотите, можно посмотреть здесь, а можно у вас. Номер шесть и семь в меню. Открывает вид на новостройки... Интерьеры, детали отделки, балконы, лоджии.

– Спасибо, Стас! – Я потрепала его по плечу – непозволительная вольность, конечно, но уж очень он смутился. – Я посмотрю у себя. До свидания, Кира.

– Вы уже уходите? – огорчился тот. – У вас красивые ноги, Ксения Валентиновна! Хорошо, что вы не носите брюк, терпеть не могу баб в брюках! А хотите с нами вечером в «Сову»? Сегодня прикольная программа. У меня там знакомый мэн, пропустит на халяву. Пошли, а?

Я с трудом удержала улыбку. Комплимент, однако. Прошла через общую комнату, где сидели две бледные поганки, чувствуя на себе их ненавидящие взгляды. Лидер – высокая девица с белыми длинными волосами, жесткая и неприветливая Оля – демонстративно искала что-то в ящике стола. Я задержалась у своего кабинета, помедлила и сказала:

– Оля, зайдите ко мне.

Она неохотно поднялась и пошла к двери, виляя задом. Вторая, Динка, проводила ее сочувственным взглядом.

– Садитесь. – Я старалась не смотреть на Олю. У девушки был крупный подвижный рот, щедро намазанный вишневой помадой. Он странно и неприятно выделялся на неярком лице, вызывая желание, почти болезненное, рассмотреть его поближе. Длинные белые колючие волосы лежали на плечах. Символический топ на бретельках открывал плечи и голый живот с ямкой пупка, тесные розовые брюки обтягивали мощные ляжки. Профессия шлюхи написана у нее на лбу. Дрянная девица. Чувствуя интерес хозяина, Оля хамски вела себя, работать не желала. Она была из тех молодых хищниц, что знают лишь один способ привязать к себе мужчину – постель. И, как многие до нее, рассчитывала на босса, зная, что у того жена на двенадцать лет его старше. Дамские журналы набиты историями о золушках, сумевших найти свое счастье, да только где ж напасть на принцев? Роман потерял к ней всякий интерес, и теперь началась моя партия. Сейчас я скажу ей, что, к сожалению, в фирме предстоят сокращения... С удовольствием скажу. Так и вмажу!

Оля опустила на стул. Провела кончиком языка по верхней губе. Сложила руки на коленях. На меня она не смотрела, нарочито равнодушно уставилась в окно. Демонстрировала характер, догадываясь, зачем ее позвали. Я в упор рассматривала девушку – несуразный рот, выдвинутая вперед нижняя челюсть, лиловые веки. Чувство мгновенной мстительной радости вспыхнуло и тут же погасло. На лбу жертвы выступили мелкие бисеринки пота. Я вдруг подумала, что не знаю о девушке ничего. Кроме того, что деньги та, видимо, привыкла зарабатывать в постели. Сколько ей? Двадцать пять, больше? Ни профессии, ни видов на будущее. Работать не привыкла, ждет выигрыша, заглядывая в глаза проходящим мужчинам. Месяц «училась» – молча, со скучающим видом сопровождала бабу Броню, потом печатала всякие бумажки, сидела на телефоне или в Интернете. Бегала по первому зову к Роману в кабинет, уверенная, что обеспечивает себе будущее. Роман производил впечатление избало-

ванного и не особенно умного тьюфяка, и каждая новая подружка считала, что с легкостью приберет его к рукам. На самом деле наш шеф прагматик до мозга костей, и сентиментальности в нем не больше, чем в кухонной табуретке. Через месяц-другой очередная девица ему приедается, и песенка ее спета. Я, как королевский палач, привожу приговор в исполнение, не испытывая ни малейшей жалости к павшей фаворитке, а только досаду на шефа.

Передо мной сидела такая очередная: вульгарная, дешево одетая и сильно накрашенная молодая женщина, чья жизненная позиция уже наложила отпечаток на ее внешность. Мне вдруг пришла в голову странная мысль, что между Романом и этими девушками есть много общего. И тот и другие продаются, но Роману повезло больше. Он сумел продать себя по хорошей цене...

Я продолжала рассматривать Олю, и та, чувствуя взгляд ненавистной начальницы, стала медленно багроветь. Но по-прежнему смотрела в окно.

– Где вы живете? – спросила я вдруг неожиданно для себя.

– На Вокзальной, – ответила она, не глядя на меня.

– Это далеко отсюда?

– Сорок минут троллейбусом.

Я напряженно раздумывала, уставившись в бумаги на столе. Да что это со мной?

– Жаль, что вы не водите машину.

Если Оля и удивилась странному заявлению, то ничем этого не выказала. Помолчала, видимо, обдумывая услышанное, потом сказала, недоверчиво глядя в мое лицо:

– У меня есть права. У нас в школе был кружок вождения. – Подумав немного, добавила: – У моего жениха машина...

– В таком случае... – Я замолчала, все еще колеблясь. Наконец решилась: – Возьмете машину, серый «Шевроле», съездите домой и переоденетесь. Уберите краску с лица и бижутерию. Скромный костюм, гладкая прическа, туфли... – Хотела добавить: «...поприличнее», но удержалась. – В три у меня назначена встреча с клиентом из Финляндии, поедете вместо меня. Покажете ему три квартиры в центре, я дам адреса. Хозяева будут ждать. И складское помещение под фабрику за городом. Он собирается открыть у нас мебельную фабрику, вернее, сборочный цех. Человек небедный, с серьезными намерениями. Не вздумайте упустить. Ну и... и... – Я снова запнулась, подбирая слова. – ...держите дистанцию. Вам понятно?

Девушка кивнула. У нее сделалось странное выражение лица – мне показалось, что она сейчас расплатится.

– Если вы сумеете... заключить сделку, я возьму вас в штат. – Слова вырвались у меня нечаянно, и я тут же пожалела о них – кто за язык тянул? Никаких обещаний. – В нашем деле очень важно умение аргументировать. Помните уроки бабы Брони? Расскажите клиенту, почему именно эта квартира ему подходит больше других, где будет парковка для его машины, где супермаркет. Упомяните, что это один из самых безопасных районов города – рядом отделение полиции или банк с охраной. Понятно? Вы город хорошо знаете?

Оля кивнула.

– Говорите с ним доверительным тоном. Расспросите о семье, но вскользь, пусть он... расслабится и почувствует себя так, будто вы давно знакомы. Но никаких... – Я снова запнулась, не сумев подобрать нужное слово.

– Я поняла, – сказала Оля, поднимаясь со стула. – Не беспокойтесь, Ксения Валентиновна. В койку тащить клиента не буду, честное слово. Даже за зеленое бабло. Давайте ключи!

Я потянулась за сумочкой, достала ключи на голубом брелоке с Эйфелевой башней, протянула девушке. Видимо, Оля прочла что-то в моем лице. Она осторожно взяла связку и сказала, впервые заглянув мне в глаза:

– Я все сделаю как надо, Ксения Валентиновна, не волнуйтесь. Не маленькая! Спасибо вам.

Крутнувшись на каблуках, она бросилась к двери, словно боялась, что я могу передумать. Она так торопилась, что споткнулась уже у самой двери, но не остановилась. Взмахнув руками, преодолела последних пару шагов и исчезла.

Оставшись одна, я некоторое время пребывала под впечатлением своего необычного поступка. Скажи мне кто-нибудь еще полчаса назад, что я могу совершить подобное, я бы только рассмеялась. Что же произошло? Я не знаю. Я не считаю себя способной на жалость или мягкость. Наоборот, я уверена, что обладаю характером твердым, даже жестким. В наше время иначе не выжить, особенно одиноким женщинам, у которых нет богатого мужа или покровителя. Когда-то Роман протянул ко мне свои липкие лапы, и я залепила ему пощечину. Он не столько обиделся, сколько удивился. Только и сказал: «Ну ты, мать, даешь! Я ж тебе хозяин все-таки». Но рук больше не распускал. Мне, пожалуй, нравилась живучесть хозяина – Роман Руденок катился по жизни, как мячик. Никогда не терял формы. Протягивал руку и брал что хотел, а если не получалось взять именно это, тянул руку к чему-нибудь другому. Не мстил, не дулся, не смотрел волком. В нем, казалось, не было ни капли отравляющего всем жизнь мужского самолюбия. Равнодушие его и некоторая вялость принимались окружающими за добродушие и мягкость, и он слыл хорошим, но слабым по женской части парнем. Хотя почему «но»? А кто, имеющий возможности, не бабник? «Я вас умоляю!» – как говорит баба Броня.

Я посмотрела на часы. До встречи со Стеллой оставалось минут сорок. Мне вдруг пришло в голову – и я приняла эту мысль с облегчением, – что странное происшествие с Олей объясняется моим предстоящим свиданием с приятельницей. Я успела соскучиться – мы не виделись уже несколько дней, – кроме того, голос Стеллы, настаивающий на встрече именно сегодня, звучал так необычно, что я предпочла ее Густаву... И вот, пожалуйста! Баба Броня в «поле», никого другого под рукой не оказалось. Оля неглупая девушка, но... Посмотрим.